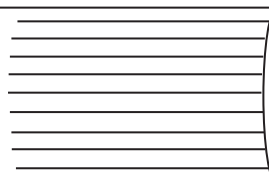

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

УДК 341.645

DOI 10.25688/2076-9113.2020.37.1.01

А.П. Грахоцкий

**Судебный процесс в Кобленце (1961):
пособники Гитлера и Холокост
в Минске**

В 1961 году перед судом Кобленца предстали бывший начальник СС и полиции генерального округа Белоруссия К. Ценнер и бывший член айнзатцгруппы «А» Г. Реммерс, обвинявшиеся в организации массового расстрела евреев минского гетто в ноябре 1941 года. В статье поставлена цель на примере данного процесса осветить подходы юстиции ФРГ к уголовному преследованию бывших нацистов, совершавших преступления Холокоста на территории Восточной Европы, и раскрыть сущность концепции приказа, которая позволяла представить подсудимых в роли пособников, подчиненных воле А. Гитлера и его ближайшего окружения.

Ключевые слова: уголовное преследование; нацистские преступники; Холокост; судебный процесс; расстрел.

В июне 1961 года в немецком городе Кобленце завершилось судебное разбирательство по делу о расстреле 6624 евреев минского гетто в период с 7 по 11 ноября 1941 года. Израильский журналист, присутствовавший в зале суда в момент вынесения приговора, в своей статье о «сатрапах Минска» описывал поведение обвиняемого Карла Ценнера, который «словно мертвец сидел на скамье подсудимых». В своем заключительном слове бывший начальник СС и полиции генерального округа Белоруссия К. Ценнер заявил: «Я верил в национал-социализм, и моя вера разрушилась вместе с Третьим Рейхом. Я был искренним идеалистом, как и миллионы мужчин и женщин» [20].

Обвиняемый родился в 1899 году в Оберлибурге (земля Рейнланд-Пфальц). Принимал участие в Первой мировой войне. Окончил Кельнский университет по специальности «Коммерческая деятельность». С 1925 года являлся членом Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). В 1926 году стал членом СС и СД. В данных структурах он сделал стреми-

тельную карьеру. К. Ценнер являлся основателем ячеек СС в Кельне, Аахене, Кобленце, Трире. Дважды избирался депутатом Рейхстага от Национал-социалистической рабочей партии Германии (далее — НСДАП) [11, S. 504]. (О биографии Ценнера см. подробно в [20]).

Рядом с Карлом Ценнером на скамье подсудимых находился бывший оберштурмбанфюрер СС, член айнзатцгруппы «А» Ганс-Герман Реммерс. Обвиняемый родился в 1906 году в Вильгельмсхафене (земля Нижняя Саксония). Изучал экономику сначала в Кельнском, затем в Кенигсбергском университете, однако так и не получил диплом о высшем образовании. В 1932 году вступил в НСДАП и СС. С 1933 года работал в структурах СД в Мюнхене, Берлине, затем в протекторате Богемия и Моравия [11, S. 504–505].

В ходе процесса в Кобленце раскрывались малоизвестные на тот момент факты массового уничтожения евреев на территории Восточной Европы. Согласно материалам дела, осенью 1941 года из Главного управления имперской безопасности в адрес командира айнзатцгруппы «А», начальника полиции безопасности и СД рейхскомиссариата Остланд Франца Вальтера Шталекера поступило сообщение о запланированной депортации 50 тыс. евреев, проживавших на территории рейха и протектората Богемии и Моравии, на Восток: 25 тыс. чел. надлежало переместить в Ригу и еще 25 тыс. — в Минск [11, S. 514]. Ожидалось, что до конца ноября 1941 года в белорусскую столицу придут 7 эшелонов с депортированными евреями из Гамбурга, Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берлина, Брно, Бремена и Вены общей численностью около 7 тыс. чел.¹ Чтобы найти места для размещения прибывающих в Минск западноевропейских евреев, было принято решение уничтожить порядка 7 тыс. местных евреев [11, S. 512].

Акция уничтожения началась 7 ноября 1941 года. Те немногие узники минского гетто, которым удалось пережить Холокост, вспоминали о страшном погроме, организованном нацистами в этот день (см., например: [16, S. 12–153]). Командир подпольной боевой организации, действовавшей в гетто, Г. Смоляр в своих воспоминаниях описал произошедшую трагедию. Рано утром 7 ноября отряды СС и полиции при поддержке местных и литовских полицаяв зашли в гетто. Каратели рассредоточились по улицам Немига и Островского. Мужчин, женщин и детей выгоняли из домов и под градом ударов выводили на Юбилейную площадь. Больных и стариков, неспособных передвигаться, расстреливали на месте. Затем прозвучал приказ узникам: «Построиться в шеренгу по восемь, как вы всегда делали на Октябрьские!» Людям раздали красные флажки с советской символикой. Мужчин, шедших в первом ряду, заставили нести огромную растяжку с надписью: «Пусть живет 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» Происходящее снимали на кинокамеру. Евреям было приказано взять на плечи детей, улыбаться и выглядеть счастливыми. Когда колонна вышла на улицу Опанского, людей погрузили

¹ К. Герлах в своей монографии указывает конкретные даты прибытия поездов в Минск и точное количество депортированных. См.: [19, S. 752].

в грузовики и завезли в Тучинку². Там евреев загнали в бывшие складские помещения. На протяжении трех дней узников выводили к свежеврытым рвам и расстреливали [6, с. 48].

Данный эпизод являлся одним из многочисленных нацистских злодеяний, совершенных на территории Белоруссии. Так, только за октябрь – декабрь 1941 года в генеральном округе Белоруссия гитлеровцы уничтожили около 60 тыс. евреев [19, S. 609]. Всего же Холокост на белорусских землях унес жизни от 500 до 800 тыс. евреев [5, с. 29–30].

После войны в Германии начался сложный, противоречивый процесс привлечения нацистских преступников к уголовной ответственности. До конца 1940-х годов преследование бывших нацистов в большей степени осуществлялось юстицией союзников по антигитлеровской коалиции³. В дальнейшем правосудию двух немецких государств — ФРГ и ГДР — предстояло самостоятельно организовать процесс юридического преодоления нацистского прошлого⁴. Так, в 1950-е годы в ФРГ состоялась целая плеяда процессов, связанных с преступлениями Холокоста на территории Восточной Европы (см. об этом подробно [15, S. 285–315]). В 1949–1951 годах западногерманская юстиция впервые рассматривала уголовное дело, в ходе которого раскрывались факты гитлеровских злодеяний на территории Белоруссии: преступник минского гетто Адольф Рюбе был приговорен к пожизненному заключению, однако в 1962 году он был амнистирован и вышел на свободу [9].

В данной статье на примере процесса против К. Ценнера и Г. Реммерса поставлена цель осветить подходы юстиции ФРГ к уголовному преследованию бывших нацистов, совершавших преступления Холокоста на территории Восточной Европы, и раскрыть сущность так называемой концепции приказа, которая позволяла представить подсудимых в роли пособников, подчиненных воле главных нацистских преступников — А. Гитлера, Г. Гимmlера, Р. Гейдриха.

Вопиющее преступление, совершенное нацистами в Минске 7–11 ноября 1941 года, могло так и остаться безнаказанным, если бы не действия самого преступника. В 1959 году Карл Ценнер заявился в органы социальной защиты ФРГ и, ссылаясь на то что в годы войны он получил звание генерал-майора полиции, потребовал назначения ему персональной пенсии. Проверка документов, подтверждавших присвоение Ценнеру высокого полицейского звания, пролила свет на факты преступной деятельности бывшего нациста в Минске [11, S. 504]. В качестве свидетеля по делу о массовом расстреле евреев минского гетто был привлечен Ганс-Герман Реммерс. На допросе в прокуратуре

² Урочище, некогда находившееся на окраине Минска.

³ О Нюрнбергском процессе см. [21]. О других процессах союзников см., например, [13; 26; 27].

⁴ В современном германском дискурсе прочно закрепилось понятие «преодоление прошлого», означающее процесс осознания немецкими гражданами национальной вины и ответственности за преступления национал-социализма. См. об этом [3; 7; 17]. В данной статье внимание автора сконцентрировано на правосудии ФРГ.

Кобленца в феврале 1960 года последний утверждал, что вся вина за уничтожение минских евреев в ноябре 1941 года лежит исключительно на начальнике СС и полиции генерального округа Белоруссия Карле Ценнере. Однако спустя месяц Реммерс изменил свои показания и признался, что он также имеет отношение к данному преступлению [11, S. 527].

Г. Реммерс заявлял, что в начале октября 1941 года он прибыл из Берлина в Ригу в распоряжение командира айнзатцгруппы «А» Вальтера Шталекера. Вскоре после этого обвиняемый был направлен в Минск с заданием принять под свое руководство небольшое количество членов айнзатцкоманд, находившихся на тот момент в белорусской столице [11, S. 505].

Как выяснилось в ходе расследования, к началу октября 1941 года основная масса членов айнзатцгруппы «В» (айнзатцкоманда 8) покинула Минск. Это было связано с тем, что территория Западной Белоруссии, включая и Минск, в августе 1941 года была выведена из-под контроля группы армий «Центр» и передана в ведение гражданской администрации. Минск стал административным центром генерального округа Белоруссия, вошедшего в рейхскомиссариат Остланд. На территории данного рейхскомиссариата действовала айнзатцгруппа «А». Однако представители последней к октябрю 1941 года еще не успели прибыть в белорусскую столицу. Таким образом, в распоряжении Реммерса оказались не более 10 представителей айнзатцгруппы «В», которые не выехали из города вместе с основным составом айнзатцкоманды 8 [11, S. 518–519, 533]. (О деятельности айнзатцгрупп на территории Восточной Европы см. [14; 23]).

По словам Г. Реммерса, в конце октября 1941 года ему поступил звонок из штаба айнзатцгруппы «А» в Риге. Звонивший сообщал, что в ближайшее время в Минск будет направлен первый эшелон с депортированными из Германии евреями (около 1000 чел.). В связи с этим Реммерсу надлежало организовать уничтожение 7000 минских евреев. Согласно показаниям обвиняемого, в ответ на это он возразил, что по чисто человеческим причинам не сможет организовать подобную экзекуцию. Однако из штаба настаивали, что речь идет о выполнении приказа фюрера. Г. Реммерсу было рекомендовано обратиться за помощью в организации акции к начальнику СС и полиции К. Ценнеру [11, S. 512].

На процессе Г. Реммерс утверждал, что К. Ценнер пообещал ему оказать всестороннюю поддержку при проведении экзекуции. По словам Реммерса, начальник СС и полиции говорил, что в его распоряжении имеются украинские добровольческие подразделения (шутцманшафты⁵), которым он и поручит произвести расстрел. В ответ на это Г. Реммерс воскликнул: «Слава Богу, нам больше не придется заниматься расстрелом, украинцы сделают это!» [11, S. 512].

Опираясь на показания обвиняемого Реммерса, а также свидетелей Не. и Ф.⁶, суд восстановил картину произошедшего. Акция уничтожения началась между 5 и 6 часами утра 7 ноября 1941 года. Примерно в то же время в гетто

⁵ Шутцманшафты (шума) создавались из числа коллаборационистов и находились в структуре вспомогательной полиции Третьего рейха. См. об этом [12, р. 60–77].

⁶ В приговоре указаны только первые буквы фамилий свидетелей.

прибыл Г. Реммерс. Несколько позже к нему присоединился и К. Ценнер. Немецкая полиция порядка и сотрудники СД выгоняли людей из жилых домов на улицу. Затем жертв вывезли за пределы города, где их поместили в бараки бывшей мебельной фабрики. Сооружения были переполнены людьми до отказа. Узники вынуждены были выбивать окна, чтобы не задохнуться. Нужду справляли там же, используя матерчатые сумочки [Там же].

Из барачков евреев вывозили на грузовиках к месту расстрела. В лесу было выкопано две могилы по 30 метров в длину и 4 метра в ширину. По прибытии узников заставляли полностью раздеться. Как указал Г. Реммерс, за снятие одежды отвечал сотрудник СД из его команды, которому было поручено вести подсчет жертв. Голых людей группами по 10 человек гнали к могиле, где размещалась расстрельная команда, состоявшая из 10–15 коллаборационистов⁷. Жертв принуждали спускаться в могилу так, чтобы каждая последующая группа евреев ложилась на трупы своих предшественников. По команде раздавался залповый огонь [11, S. 513].

Г. Реммерс признался, что лично присутствовал при двух подобных расстрелах. Более всего в его памяти отложилась смерть женщины, державшей на руках младенца. После этого, по словам обвиняемого, он покинул место экзекуции. Расстрелы же продолжались до 11 ноября 1941 года. В этот день сотрудник СД, отвечавший за подсчет жертв, сообщил Реммерсу об уничтожении 6624 человек. Ганс-Герман Реммерс позвонил в Ригу и отчитался о выполнении приказа⁸ [Там же].

В свою очередь, командир айнзатцгруппы «А» Вальтер Шталекер 1 декабря 1941 года в отчете № 140 отрапортовал в Главное управление имперской безопасности: «Айнзатцкомандой 1b в Минске в период с 7 по 11 ноября 1941 года было расстреляно 6624 еврея» [Там же]. В связи с этим суд задался вопросом: почему в отчете Шталекера в качестве исполнителей расстрела фигурировала айнзатцкоманда 1b? Результаты расследования показали, что члены этой команды прибыли в Минск только во второй половине ноября – начале декабря 1941 года, а непосредственный расстрел осуществили коллаборационисты из шума-батальонов. Присяжные предположили, что Шталекер поставил данную экзекуцию «в заслугу» айнзатцкоманде 1b, исходя из следующих соображений: официально с осени 1941 года территория Минска была подконтрольна именно этой команде; командированный в Минск Г. Реммерс воспринимался рижским руководством именно как представитель айнзатцкоманды 1b; учитывая то, что айнзатцгруппа «В» к тому времени покинула белорусскую столицу,

⁷ На процессе так и не было до конца выяснено, к какой национальности принадлежали преступники из шума-батальонов. В материалах дела указывалось, что в это время в Минске размещалось 3 карательных батальона: 46-й, 47-й и 48-й. Все они находились под командованием немецких офицеров полиции Куммера и Неефшера. Ряд свидетелей указывали на то, что в этих частях служили украинцы, некоторые же говорили об украинцах и белорусах, в показаниях встречались также упоминания о литовцах, латышах и эстонцах. См. [11, S. 511, 529–530].

⁸ Нужно отметить, что в ходе процесса так и не обсуждались факты об издевательской «демонстрации», организованной нацистами в минском гетто в годовщину Октябрьской революции.

оставшиеся члены айнзатцкоманды 8 могли быть де-факто отнесены к айнзатцкоманде 1b [11, S. 518–519].

Защита Г. Реммерса обращала внимание судей на то, что в распоряжении обвиняемого не было достаточного количества подчиненных, способных организовать подобную экзекуцию [11, S. 532–533]. Сам Реммерс утверждал, что его люди, за исключением одного сотрудника СД, ведшего подсчет жертв, не участвовали в акции уничтожения, мероприятия по вывозу евреев из гетто осуществляла полиция порядка, заградительные функции во время расстрела выполняли немецкие служащие охранной полиции, а расстрел производился местными «хиви» (добровольцами из шума-батальонов). Показания Г. Реммерса подтвердил свидетель F., являвшийся непосредственным очевидцем расстрела [11, S. 528]. По словам Реммерса, все службы, принимавшие участие в акции, находились в непосредственном подчинении К. Ценнеру⁹.

Г. Реммерс утверждал, что находился в состоянии крайней необходимости: под угрозой наказания он был вынужден выполнить приказ об уничтожении евреев минского гетто. Обвиняемый подчеркивал, что за 8 лет службы в СД он привык к абсолютной покорности и безукоризненному выполнению приказов руководства. В поддержку Реммерса свидетель E.¹⁰ заявлял, что командир айнзатцгруппы «А» Вальтер Шталекер отличался чрезвычайной жестокостью и требовательностью, за отказ от выполнения приказа он мог предать подчиненного военному суду и отправить в штрафной батальон. Однако ни сам обвиняемый, ни свидетель не смогли привести конкретные примеры, подтверждавшие случаи наказаний за отказ от участия в акциях массового уничтожения [11, S. 522].

Выступавший на процессе эксперт, немецкий историк Dr. Se. отмечал, что за 10 лет своей исследовательской работы он не обнаружил ни одного случая организации судебного процесса над немецкими военнослужащими, отказавшимися принимать участие в уничтожении еврейского населения [11, S. 523]. Более того, на процессе выступали ряд свидетелей, приведших конкретные примеры, согласно которым отказ от выполнения преступных приказов не имел никаких негативных последствий. Так, свидетель P., являвшийся в 1942–1943 годах офицером охранной полиции в Сумах, заявлял, что в его адрес поступал приказ начальника СС и полиции об организации массового расстрела евреев. В ответ на это офицер потребовал предоставить ему приговор суда, в котором была бы указана смертная казнь в качестве наказания для евреев. Когда приговор ему не был представлен, он отказался от выполнения приказа. После того как подобный приказ поступил ему повторно,

⁹ М. Дин в своем исследовании также указывает на то, что в ходе акций массового уничтожения евреев на территории Белоруссии и Украины действия структур полиции порядка, полиции безопасности, жандармерии и шутцманшафтов координировали начальники СС и полиции. См. [12, p. 60, 62, 77].

¹⁰ Данный свидетель, являвшийся членом айнзатцгруппы 1b, также находился под стражей. В отношении него велось уголовное дело о массовом уничтожении литовских и латышских евреев в июне – июле 1941 года. См. [10].

Р. обратился в руководящий орган полиции порядка в Берлине. В ответном письме из столицы Третьего рейха ему было сообщено, что участие охранной полиции в акциях СД не приветствуется [11, S. 523–524].

Свидетель Н., являвшийся в годы войны служащим Главного управления имперской безопасности, озвучил на процессе конкретные фамилии офицеров СС, обращавшихся в Берлин с просьбой о переводе с оккупированных территорий СССР на другие места службы. По словам Н., чиновникам управления было хорошо известно, что основной причиной таких просьб было желание офицеров избежать участия в акциях массового уничтожения евреев. Н. утверждал, что подобные прошения всегда удовлетворялись [Там же].

В итоге суд пришел к выводу, что у Г. Реммерса не было оснований опасаться за собственную жизнь и здоровье в случае отказа от выполнения преступного приказа. Присяжные также отметили, что при желании он имел возможность обратиться к руководству с просьбой о переводе на другое место службы [Там же].

В свою очередь, Карл Ценнер полностью отрицал причастность к данному преступлению. Бывший начальник СС и полиции утверждал, что до него лишь доходили слухи о массовом расстреле минских евреев в ноябре 1941 года. Сам же он якобы даже не был знаком с Г. Реммерсом [Там же]. На процессе К. Ценнер уверял суд в том, что он является жертвой оговора со стороны Реммерса, что последний стремился переложить вину за содеянное на него и таким образом избежать уголовной ответственности [11, S. 527].

Оценивая показания обвиняемого К. Ценнера, суд выявил множество сведений, не соответствующих действительности. Во-первых, К. Ценнер пытался доказать, что шутцманшафты находились в непосредственном подчинении Г. Реммерса, представлявшего руководство СД в Минске. Однако, опираясь на свидетельские показания, а также на исторические исследования, суд установил, что подобные коллаборационистские формирования находились в ведении полиции порядка, которая, в свою очередь, была подконтрольна начальнику СС и полиции [11, S. 534].

Во-вторых, К. Ценнер представил суду ложную информацию, будто бы он, будучи руководителем полиции города Аахен (1937–1941), содействовал нелегальному выезду из Германии 400 евреев. Допрос свидетеля Вü. показал, что подобный случай в Аахене действительно имел место, но произошло это в 1933–1934 годах, то есть задолго до приезда Ценнера на службу в этот город. Таким образом, суд констатировал «дерзкую попытку» К. Ценнера присвоить себе в заслугу то, к чему он не имел ни малейшего отношения [11, S. 536]. Более того, в ходе следствия было установлено, что, находясь на посту президента полиции Аахена, он принимал участие в организации поджога аахенской синагоги¹¹. За совершение данного преступления в июне 1947 года К. Ценнер был приговорен Высшим военным судом британской зоны оккупации к 5 годам тюрьмы. В 1950 году он был амнистирован и оказался на свободе [11, S. 504].

¹¹ Это преступление было совершено во время «хрустальной» ночи 9–10 ноября 1938 года.

Прокуратура Кобленца настаивала на том, что Карл Ценнер принимал участие в организации расстрела минских евреев исключительно по собственной инициативе. В отличие от Г. Реммерса Ценнеру не поступал приказ свыше. Исходя из этого, государственный обвинитель утверждал, что в данном случае К. Ценнер, действовавший по просьбе Г. Реммерса, не был подчинен преступной воле вышестоящего начальства, он самостоятельно принял решение о совершении преступления, желал достижения преступного результата и поэтому он являлся соисполнителем массового уничтожения евреев минского гетто наряду с А. Гитлером, отдавшим приказ о расстреле¹² [11, S. 544].

Прокурор приводил факты из биографии Карла Ценнера, подтверждавшие приверженность подсудимого нацистской расовой идеологии. Обвинение указывало на то, что подсудимый был близок к верхушке руководства Третьего рейха. Он пользовался авторитетом человека, стоявшего у истоков СС в Германии: билет члена СС Ценнера был под номером 176; для сравнения, Г. Гиммлер имел такой же билет с номером 168 [20].

На судебном процессе был представлен документ, изъятый из личного архива подсудимого. Это было благодарственное письмо генерального комиссара Генерального округа Белоруссия Вильгельма Кубе, адресованное обвиняемому. 17 июля 1942 года (накануне перевода Ценнера из Минска в центральный аппарат СС в Берлине) гауляйтер восхвалял начальника СС и полиции: «Если во время Вашей службы стало возможным уничтожение 10 тыс. вражеских евреев, то это также и Ваша заслуга... Моя цель освободить белорусский народ от его естественных врагов, русских, поляков и евреев, всегда поддерживалась Вами» [11, S. 536].

Государственный обвинитель утверждал, что К. Ценнер гордился своим участием в акциях уничтожения евреев, он хранил у себя письмо Кубе, чтобы в будущем представить свои «заслуги» в деле «окончательного решения еврейского вопроса». На процессе выступал свидетель Я., прибывший в Минск в распоряжение Ценнера в конце 1941 года. По словам свидетеля, начальник СС и полиции с гордостью рассказывал ему о «суровых нравах Востока», где должны быть уничтожены тысячи евреев [11, S. 550]. Как указывали свидетели, ближайшим другом Ценнера в Минске являлся командир полиции безопасности и СД генерального округа Белоруссия Эдуард Штраух, один из наиболее одиозных организаторов Холокоста в Белоруссии и Прибалтике [11, S. 550].

Несмотря на многочисленные доводы стороны обвинения, суд посчитал недоказанным, что К. Ценнер участвовал в массовом уничтожении евреев, руководствуясь чувством расовой ненависти к последним. Судьи ссылались на показания бывших сослуживцев Ценнера, которые в ходе процесса заявляли,

¹² Уголовное право ФРГ разграничивало понятия «исполнитель» и «пособник» преступления. Исполнителем являлся тот, кто совершил преступление самостоятельно либо посредством другого лица и действовал по собственной воле (§ 25 УК ФРГ). Пособником же признавался тот, кто преднамеренно содействовал другому лицу в совершении противоправного деяния и выполнял преступную волю исполнителя (§ 27 УК ФРГ). Сравните: [1: с. 16–17].

что подсудимый отрицательно относился к планам «окончательного решения еврейского вопроса» [11, S. 545].

В распоряжении суда отсутствовали доказательства того, что начальник СС и полиции действовал по приказу вышестоящего руководства. Вопреки этому, присяжные пришли к следующему выводу: нельзя исключить, что подобный приказ имел место, Ценнер мог получить подобное распоряжение от высшего начальника СС и полиции в Риге Г. Прютцмана или непосредственно из Главного управления имперской безопасности. Учитывая данные сомнения, судьи посчитали необходимым принять решение в пользу обвиняемого и признали его пособником преступления, то есть лицом, действовавшим по приказу и выполнявшим чужую преступную волю [11, S. 544].

Пособником был признан и Герман Реммерс. На процессе подсудимый признался, что был враждебно настроен к евреям, поддерживал идею о необходимости их депортации с территории Третьего рейха, однако отрицательно относился к планам уничтожения еврейского населения. Суд посчитал данные показания обвиняемого правдивыми. Судьи высказали предположение, что Г. Реммерс пошел на выполнение преступного приказа не из чувства расовой ненависти к евреям, а чтобы проявить себя и не прослыть среди коллег «неженкой» [11, S. 522].

В приговоре указывалось, что планы по «окончательному решению еврейского вопроса»¹³ принадлежали А. Гитлеру и его ближайшему окружению, в первую очередь, Г. Гимmlеру, Г. Герингу и Р. Гейдриху. Исходя из этого, исполнителями массового расстрела евреев в Минске 7–11 ноября 1941 года суд признал именно главных нацистских преступников, которые реализовывали свои преступные замыслы при пособничестве членов айнзатцгрупп и СС [11, S. 539].

Данное преступное деяние было квалифицировано судом как тяжкое убийство¹⁴. Согласно немецкому уголовному праву тяжкое убийство отличалось от простого рядом квалифицирующих признаков, характеризующих субъективную сторону преступления: одержимость преступника желанием убивать, удовлетворение полового влечения, корыстные или иные низменные побуждения, коварство либо жестокость [24, S. 60–65].

Судьи отмечали, что приказ о массовом расстреле в Минске 7–11 ноября 1941 года был отдан исходя из чувств расовой ненависти к евреям. Данное обстоятельство суд расценил как низменное побуждение к совершению преступления. Низменным был признан также и тот факт, что узников гетто, среди которых были старики, женщины и дети, лишали жизни для того, чтобы

¹³ Понятие «холокост» в те годы еще не было известно немецкой юстиции.

¹⁴ Ссылаясь на то, что в Уголовном кодексе ФРГ отсутствовали такие составы преступлений, как геноцид и преступление против человечности; немецкие суды квалифицировали нацистские злодеяния, связанные с массовым уничтожением мирного населения, только как тяжкое либо простое убийство. Таким образом юстиция ФРГ демонстративно игнорировала нормы Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге. См. [24, S. 16–17].

освободить место для проживания западноевропейских евреев. В приговоре присяжные обращали внимание на особую жестокость при осуществлении экзекуции. Суд упомянул о небывалых душевных страданиях, перенесенных узниками перед смертью: «последние взоры жертв были обращены на могилу, переполненную окровавленными, шевелящимися телами»; дети умирали на глазах у своих родителей, а родители на глазах у своих детей; в условиях лютой зимы, невзирая на пол и возраст, люди были вынуждены полностью раздеться и терпеть на себе «безжалостные, возможно похотливые, взгляды своих бесноватых палачей» [11, S. 549].

В итоге суд признал К. Ценнера и Г. Ремерса пособниками тяжкого убийства. В соответствии со ст. 27 Уголовного кодекса ФРГ наказание пособнику определялось санкцией, предназначенной для исполнителя. Так, § 211 УК ФРГ (тяжкое убийство) предусматривал санкцию в виде пожизненного лишения свободы. Однако, ссылаясь на ст. 49 УК ФРГ, судьи указали на ряд смягчающих обстоятельств, которые, по их мнению, позволяли отступить от высшей меры наказания. Во-первых, суд учел, что оба обвиняемых действовали по чужой воле. В приговоре отмечалось: «Возможно, сами они никогда бы не нарушили закон, не попади они на службу Третьему Рейху». Во-вторых, над обвиняемыми довлела общественная атмосфера тех лет: после присоединения Австрии, оккупации Чехии, молниеносных побед над Польшей, Норвегией, Францией в немецком социуме царило опьянение победой. Гитлер был назван «величайшим полководцем всех времен и народов». Среди граждан Германии распространялся лозунг: «Фюрер сказал, мы сделали». О несогласии с указаниями Гитлера не могло быть и речи. Немцы беспрекословно выполняли приказы фюрера, исходя из своего фанатизма, покорности либо карьеризма. В-третьих, немецкое общество на протяжении долгого времени находилось под воздействием антисемитской пропаганды. Бесправие евреев было обыденным и привычным для большинства немецких граждан [11, S. 547].

В то же время в приговоре подчеркивалось, что обвиняемые заслуживают сурового наказания. Акция осуществлялась под контролем подсудимых, оба были на месте преступления, наблюдали всю бесчеловечность происходящего и не сделали ничего, чтобы спасти хотя бы одного человека. Судьи обращали внимание на огромное количество жертв экзекуции: число расстрелянных соответствовало «числу жителей района в городе или целой деревни» [11, S. 548]. Оценивая данные о количестве жертв преступления, присяжные допустили, что результаты расстрела могли быть несколько завышены. По словам судей, подача завышенных данных о количестве уничтоженных евреев была обыденной практикой в деятельности айнзатцгрупп, которые стремились показать свое особое усердие в деле окончательного решения еврейского вопроса. Исходя из этого, суд предположил, что жертв данного преступления могло быть по меньшей мере 4000–6000 человек [11, S. 520].

Вместе с тем суд указал, что вина обвиняемых неодинакова. В приговоре отмечалось: вина Г. Реммерса заключалась в том, что он возложил проведение

экзекуции на К. Ценнера. Начальник СС и полиции полностью руководил акцией (от момента сбора узников в гетто и до осуществления последнего выстрела), ему подчинялись все службы, участвовавшие в массовом расстреле [11, S. 549]. Судьи также приняли во внимание отношение подсудимых к произошедшему. В то время как Г. Реммерс демонстрировал «тяжкие душевные страдания» и раскаяние по поводу содеянного, К. Ценнер полностью отрицал свою вину, он не высказал ни слова сочувствия по отношению к жертвам, не произнес ни одной фразы, которую можно было бы расценить как «слова осуждения преступных планов Гитлера по отношению к евреям» [11, S. 552]. Исходя из вышеизложенного, 12 июня 1961 года суд назначил К. Ценнеру наказание в виде 15 лет тюремного заключения, Г. Реммерсу — 8 лет лишения свободы [11, S. 553].

Уже через несколько недель после объявления судебного приговора Карл Ценнер был признан неспособным к отбытию тюремного наказания по состоянию здоровья и отправлен домой. Прокуратуре Кобленца понадобилось еще полтора года, чтобы добиться повторного ареста Ценнера и помещения его в тюремный лазарет. В 1967 году ввиду продолжительной неспособности к отбытию наказания преступник был отпущен на свободу. 16 июня 1969 года Карл Ценнер умер в собственном доме в коммуне Броль (земля Рейнланд-Пфальц). Подтверждением тому, что бывший начальник СС и полиции до конца своих дней так и не изменил нацистским взглядам, является его надгробье, на котором годы жизни обозначены рунами, использовавшимися в символике СС [20].

Таким образом, массовый расстрел евреев минского гетто, совершенный нацистами 7–11 ноября 1941 года был признан судом составной частью единого преступного деяния — «окончательного решения еврейского вопроса» [11, S. 539]. Однако ввиду того что немецкое правосудие игнорировало положения Международного военного трибунала в Нюрнберге и отказывалось применять в отношении нацистских преступников нормы, предусматривавшие наказание за геноцид и преступления против мира и человечности, данное конкретное злодеяние было квалифицировано только лишь как тяжкое убийство. Суд заключил, что всю полноту ответственности за совершение этого преступления несли Гитлер и его ближайшее окружение; Г. Реммерс и К. Ценнер являлись лишь пособниками, слепо выполнявшими волю фюрера.

Признание нацистских преступников безвольными пособниками укладывалось в так называемую концепцию приказа. Согласно этой концепции, огромное количество чиновников, военных, сотрудников СС и СД, задействованных в механизме массового уничтожения евреев, признавались лишь заложниками воли Гитлера, вынужденными в силу жизненных обстоятельств выполнять преступные приказы. Применение немецкими судами данной концепции содействовало тому, что тысячи нацистских преступников смогли избежать заслуженного наказания, получить минимальные сроки лишения свободы или вовсе оставаться на свободе (см. об этом [2, с. 259–282; 4, с. 127–136; 18, S. 143–270]).

В 1960-е годы данная концепция, которая успешно реализовывалась судами на практике, получила свое развитие и в немецкой правовой науке. Ученый-правовед А. Розен в своих работах настаивал на том, что приказы А. Гитлера об уничтожении евреев, отданные айнзатцгруппам, имели силу закона, являлись частью действовавшего в Третьем рейхе права. Исходя из этого, лица, выполнявшие волю Гитлера, не должны были, по мнению автора, подлежать уголовной ответственности [8, S. 465–470]. Данный подход в полной мере не был воспринят судебной практикой, однако подобного рода заключения явились «научным» подкреплением чрезвычайно мягких и зачастую оправдательных приговоров немецких судов (см., например [15, S. 243–265; 22; 25]).

Литература

1. *Аистов Л.С., Краев Д.Ю.* Уголовное право зарубежных стран. СПб.: СПЮИ (ф-л) Академии Ген. прокуратуры РФ, 2013. 132 с.
2. *Алексеев Н.С.* Злодеяния и возмездие. Преступления против человечности. М.: Юридическая литература, 1986. 400 с.
3. *Грахоцкий А.П.* Франкфуртский процесс (1963–1965 гг.) и преодоление прошлого в Германии // *Lex Russica*. 2019. № 3. С. 146–158.
4. *Ледях И.А.* Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. М.: Юридическая литература, 1973. 162 с.
5. *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии. Тель-Авив: Библиотека М. Черного, 2000. 434 с.
6. *Смоляр Г.* Менскае гета. Мінск: Тэхналогія, 2002. 182 с.
7. *Bauer F.* Im Namen des Volkes. Die strafrechtliche Bewältigung der Vergangenheit (1965) // *Bauer F.* Die Humanität der Rechtsordnung: ausgewählte Schriften. Frankfurt: Campus-Verl., 1998. S. 77–90.
8. *Beeker M.* «Führerbefehl» und «suspendiertes Unrechtsbewusstsein»? // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2016. № 5. S. 464–483.
9. Das Urteil des Landgerichts Karlsruhe vom 15.12.1949, 3a Ks 2/49 // *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966. Band IX.* Amsterdam, 1972. № 298. S. 6–43.
10. Das Urteil des Landgerichts Karlsruhe vom 20.12.1961, VI Ks 1/60 // *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966. Band XVIII.* Amsterdam, 1978. № 526. S. 66–126.
11. Das Urteil des Landgerichts Koblenz vom 12.06.1961, 9 Ks 1/61 // *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966. Band XVII.* Amsterdam, 1977. № 512. S. 504.
12. *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. New York: Palgrave Macmillan, 1999. 241 p.
13. *Der Nationalsozialismus vor Gericht: die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943–1952* / Hg. G.R. Ueberschär. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl., 1999. 319 S.
14. *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941–1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD* / Hg. P. Klein. Berlin: Edition Hentrich, 1997. 434 S.

15. *Eichmüller A.* Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München: Oldenbourg Verlag, 2012. 476 S.
16. «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft / Hg. Projektgruppe Belarus. Berlin: Assoziation A, 2003. 320 S.
17. *Frankenberg G., Müller F.J.* Juristische Vergangenheitsbewältigung – Der Volksgerichtshof vorm BGH // Kritische Justiz. 1982. Heft 3. S. 145–163.
18. *Freudiger K.* Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. 444 S.
19. *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 S.
20. *Hennig J.* Carl Zenner (1899–1969) // Mahnmal Koblenz. Ein virtueller Gedenkort für Koblenz, das nördliche Rheinland-Pfalz und Deutschland. URL: <https://www.mahnmal-koblenz.de/index.php/die-taeter/778-010-carl-zenner-1899-1970> (дата обращения: 20.09.2019).
21. *Heydecker J.J., Leeb J.* Der Nürnberger Prozess. Köln, 2015. 768 S.
22. *Jasch H.-Ch., Kaiser W.* Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen: Reclam, 2017. 263 S.
23. *Krausnick H., Wilhelm H.-H.* Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD. 1938–1942. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1981. 687 S.
24. *Pendas D.O.* Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München: Campus-Verl., 2013. 565 S.
25. *Perels J.* Täter als Marionetten? Zur Einschränkung der Verantwortung für die Untaten des Dritten Reichs // Perels J. Der Nationalsozialismus als Problem der Gegenwart. Frankfurt am Main: Lang-Ed., 2015. S. 191–200.
26. *Perels J.* Verpasste Chancen. Zur Bedeutung der Nürnberger Nachfolgeprozesse vor dem Hintergrund der ungenügenden Strafverfolgung von NS-Täter in der BRD // Die frühen Nachkriegsprozesse / Hg. K. Buck. Bremen: Ed. Temmen, 1997. S. 30–37.
27. *Wentker H.* Die juristische Ahndung von NS-Verbrechen in der Sowjetischen Besatzungszone und in der DDR // Kritische Justiz. 2002. № 35. S. 60–78.

Literatura

1. *Aistov L.S., Kraev D.Yu.* Uголовное право zarubezhny'x stran. SPb.: SPYuI (f-1) Akademii Gen. prokuratury' RF, 2013. 132 s.
2. *Alekseev N.S.* Zlodneyaniya i vozmezdie. Prestupleniya protiv chelovechnosti. M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. 400 s.
3. *Graxoczkij A.P.* Frankfurtskij process (1963–1965 gg.) i preodolenie proshlogo v Germanii // Lex Russica. 2019. № 3. S. 146–158.
4. *Ledyax I.A.* Nacistskie prestupniki i sudebnaya praktika v FRG. M.: Yuridicheskaya literatura, 1973. 162 s.
5. *Smiloviczkij L.* Katastrofa evreev v Belorussii. Tel'-Aviv: Biblioteka M. Chernogo, 2000. 434 s.
6. *Smolyar G.* Menskoe geto. Minsk: Te'xnologiya, 2002. 182 s.
7. *Bauer F.* Im Namen des Volkes. Die strafrechtliche Bewältigung der Vergangenheit (1965) // Bauer F. Die Humanität der Rechtsordnung: ausgewählte Schriften. Frankfurt: Campus-Verl., 1998. S. 77–90.
8. *Beeker M.* «Führerbefehl» und «suspendiertes Unrechtsbewusstsein»? // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2016. № 5. S. 464–483.

9. Das Urteil des Landgerichts Karlsruhe vom 15.12.1949, 3a Ks 2/49 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966. Band IX. Amsterdam, 1972. № 298. S. 6–43.
10. Das Urteil des Landgerichts Karlsruhe vom 20.12.1961, VI Ks 1/60 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966. Band XVIII. Amsterdam, 1978. № 526. S. 66–126.
11. Das Urteil des Landgerichts Koblenz vom 12.06.1961, 9 Ks 1/61 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966. Band XVII. Amsterdam, 1977. № 512. S. 504.
12. *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. New York: Palgrave Macmillan, 1999. 241 p.
13. Der Nationalsozialismus vor Gericht: die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943–1952 / Hg. G.R. Ueberschär. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl., 1999. 319 S.
14. Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941–1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / Hg. P. Klein. Berlin: Edition Hentrich, 1997. 434 S.
15. *Eichmüller A.* Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München: Oldenbourg Verlag, 2012. 476 S.
16. «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft / Hg. Projektgruppe Belarus. Berlin: Assoziation A, 2003. 320 S.
17. *Frankenberg G., Müller F.J.* Juristische Vergangenheitsbewältigung – Der Volksgerichtshof vorm BGH // Kritische Justiz. 1982. Heft 3. S. 145–163.
18. *Freudiger K.* Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. 444 S.
19. *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 S.
20. *Hennig J.* Carl Zenner (1899–1969) // Mahnmal Koblenz. Ein virtueller Gedenkort für Koblenz, das nördliche Rheinland-Pfalz und Deutschland. URL: <https://www.mahnmal-koblenz.de/index.php/die-taeter/778-010-carl-zenner-1899-1970> (data obrashheniya: 20.09.2019).
21. *Heydecker J.J., Leeb J.* Der Nürnberger Prozess. Köln, 2015. 768 S.
22. *Jasch H.-Ch., Kaiser W.* Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen: Reclam, 2017. 263 S.
23. *Krausnick H., Wilhelm H.-H.* Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD. 1938–1942. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1981. 687 S.
24. *Pendas D.O.* Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München: Campus-Verl., 2013. 565 S.
25. *Perels J.* Täter als Marionetten? Zur Einschränkung der Verantwortung für die Untaten des Dritten Reichs // Perels J. Der Nationalsozialismus als Problem der Gegenwart. Frankfurt am Main: Lang-Ed., 2015. S. 191–200.
26. *Perels J.* Verpasste Chancen. Zur Bedeutung der Nürnberger Nachfolgeprozesse vor dem Hintergrund der ungenügenden Strafverfolgung von NS-Täter in der BRD // Die frühen Nachkriegsprozesse / Hg. K. Buck. Bremen: Ed. Temmen, 1997. S. 30–37.
27. *Wentker H.* Die juristische Ahndung von NS-Verbrechen in der Sowjetischen Besatzungszone und in der DDR // Kritische Justiz. 2002. № 35. S. 60–78.

A.P. Grahotskiy

The Trial in Koblenz (1961): Hitler's Accomplices and the Holocaust in Minsk

In 1961 the former head of the SS and police of the General District of Belarus K. Zenger and a member of Einsatzgruppe «А» G. Remmers, who were accused of organizing the mass execution of the Jews of Minsk ghetto in November 1941, appeared before Koblenz court. The goal of the article is to show the approaches of the justice of Germany to the criminal prosecution of the former Nazis who committed Holocaust crimes in Eastern Europe and to reveal the essence of the «concept of the order», which allowed the defendants to be represented as accomplices of the will of A. Hitler and his inner circle.

Keywords: criminal prosecution; Nazi criminals; Holocaust; trial; execution.